

Krisis

Манифест против труда

Оглавление

1. Господство мертвого труда	3
2. Неолиберальное общество апартеида	4
3. Апартеид неосоциального государства	6
4. Обострение и опровержение религии труда	9
5. Труд — это общественный принцип принуждения	10
6. Труд и капитал — две стороны одной медали	12
7. Труд — это патриархальное господство	14
8. Труд — это деятельность несамостоятельных людей	15
9. Кровавая история утверждения труда	16
10. Рабочее движение было движением за труд	20
11. Кризис труда	22
12. Конец политики	24
13. Симуляция общества труда капитализмом казино	26
14. Труд невозможно переистолковать	29
15. Кризис борьбы за интересы	32
16. Ликвидация труда	35
17. Программа ликвидации в противовес любителям труда	37
18. Борьба против труда — борьба антиполитическая	40

1. Господство мертвого труда

Труп правит обществом — труп мертвого труда. Все силы мира соединились для защиты его господства — папа римский и Всемирный банк, Тони Блэр и Йорг Хайдер, профсоюзы и предприниматели, немецкие экологи и французские социалисты. Все они знают только один лозунг: *«Работай, работай и работай!»*

Тот, кто еще не разучился думать, легко поймет всю беспочвенность такой позиции. Ведь общество, которым правит труд, переживает не мимолетный кризис, оно дошло до своего абсолютного предела. Вследствие микроэлектронной революции производство общественных богатств все больше отрывалось от применения рабочей силы людей, причем в таких масштабах, какие еще всего несколько десятилетий назад могла представить себе только научная фантастика. Никто не может всерьез утверждать, что этот процесс можно снова остановить или тем более повернуть вспять. Продажа товара «рабочая сила» будет в XXI веке столь же выгодным делом, как в XX веке — продажа почтовых карет. Но тот, кто в этом обществе не может продать свою рабочую силу, считается «лишним» и выбрасывается в социальную мусорную кучу.

Кто не работает — тот не ест! Этот циничный принцип все еще остается в силе, сегодня более чем когда-либо, именно потому, что он безнадежно устарел. Абсурд: общество никогда еще не было в такой мере обществом труда, как сейчас, когда труд становится излишним. Как раз в момент своей смерти труд выступает как тоталитарная сила, которая не терпит иного бога, кроме самого себя. Он определяет мысли и действия людей, глубоко въевшись в поры повседневности и психологию. Годится любой предлог, чтобы искусственно продлить жизнь идола труда. Паранойя криков о «занятости» оправдывает форсированное разрушение основ природы — разрушение, о котором уже давно известно. Последние преграды на пути к тотальной коммерциализации всех общественных отношений должны быть безоговорочно отброшены, как только предоставляется возможность создать пару убогих «рабочих мест». А ходячая фраза «лучше иметь хоть какую-нибудь работу, чем вообще никакой» стала всеобщим символом исповедания веры, и каждый обязан повторять ее.

«Каждый должен иметь возможность жить своим трудом — таков провозглашаемый принцип. Соответственно, возможность жить определяется трудом, и нет такого права, где не соблюдалось бы это условие»

Иоганн Готтлиб Фихте. «Основы естественного права согласно принципам науки» (1797)

Чем очевиднее, что общество труда приближается к своему неминуемому концу, тем сильнее этот конец вытесняется из общественного сознания. Методы такого вытеснения могут быть различными, но все они имеют одно общее:

всемирная реальность превращения труда в иррациональную самоцель, которая саму себя делает излишней, с упрямством безумия истолковывается как личная или коллективная непригодность тех или иных лиц, предприятий или мест их размещения. Объективные пределы труда должны выглядеть как субъективная проблема тех, кто выпал из обоймы.

Если для одних безработица — это результат чрезмерных притязаний, недостаточной конкурентоспособности и гибкости, то другие обвиняют «своих» менеджеров и политиков в бездарности, коррупции, жадности или предательстве. И, наконец, все согласны с бывшим президентом ФРГ Романом Херцогом: страна должна испытать так называемый «толчок», как будто бы речь идет о плохой психологической подготовке какой-нибудь футбольной команды или политической секты. Все должны «каким-то образом» сильно потянуть за ремень, даже если он давно уже истрепался; все должны «как-нибудь» крепко взяться за дело, даже если уже не за что браться (или взяться можно только за что-нибудь совсем уж безумное). Подтекст этого безрадостного воззвания вполне недвусмыслен: кто все-таки не найдет милости у идола труда — тот сам виноват, и его можно с чистой совестью списать или выбросить вон.

Такой же закон человеческих жертв действует и во всемирном масштабе. Одна страна за другой перемалывается безжалостными колесами экономическо-го тоталитаризма и доказывает тем самым лишь одно: так называемые законы рынка устарели. Того, кто не «приспособился» — безусловно и невзирая на цену — к слепому бегу тотальной конкуренции, карает логика рентабельности. Те, на кого возлагаются надежды сегодня, завтра становятся экономическими отбросами. Но это не побуждает правящих экономических психопатов хоть на миг поколебаться в своем извращенном истолковании мира. Три четверти населения мира уже в той или иной степени объявлены социальным мусором. Привлекательные «места для размещения производства» рушатся одно за другим. После переживающих катастрофу «развивающихся стран» Юга и государственно-капиталистического филиала всемирного общества труда на Востоке в урагане краха исчезли и примерные ученики рыночной экономики из Юго-Восточной Азии. И в Европе давно уже ширится социальная паника. Но рыцари печального образа в политике и менеджменте лишь ожесточеннее продолжают свой крестовый поход во имя идола труда.

2. Неолиберальное общество апартеида

Общество, заикленное на иррациональной абстракции труда, неизбежно порождает тенденцию к социальному апартеиду, когда успешная продажа товара «рабочая сила» из правила становится исключением. Все фракции лагеря труда, который охватывает все партии, давно втайне согласились с этой логикой и всеми силами помогают ей. Они уже не спорят с тем, можно ли выбрасывать на обочину все большую часть населения, лишая ее какого бы то

ни было участия в обществе. Спор идет лишь о том, как можно навязать такую селекцию.

Неолиберальная фракция доверчиво уступает грязную социал-дарвинистскую работу «невидимой руке» рынка. Для этого демонтируются все сети социального государства, чтобы как можно более бесшумно превратить в маргиналов всех тех, кто уже не может выдержать конкуренции. Человеком признается лишь тот, кто принадлежит к братству ухмыляющихся победителей в глобализации. Все ресурсы планеты естественным образом узурпируются для нужд капиталистической машины, ставшей самоцелью. Если их нельзя мобилизовать с прибылью, то их нужно просто бросить, даже если это обречет на голод целые огромные группы населения.

Ответственность за груз «человеческих отходов» возлагается на полицию, религиозные секты «спасителей», мафию и кухни для бедных. В США и многих государствах Центральной Европы в тюрьмах сидят сегодня больше людей, чем при среднестатистической военной диктатуре. А в Латинской Америке рыночные «эскадроны смерти» ежедневно убивают больше бездомных детей и иных бедняков, чем убивали оппозиционеров во времена самых жестоких политических репрессий. Тем, кто выброшен из общества, отводится только одна социальная функция — служить устрашающим примером. Их судьба должна подстегивать в борьбе за последние места всех тех, кто еще продолжает нестись в совершаемом трудовым обществом «паломничестве в Иерусалим», и поддерживать судорожное движение массы проигравших, чтобы им вообще не могло придти в голову взбунтоваться против бесстыдных требований.

Но даже ценою самоотречения большинство людей в дивном новом мире тоталитарной рыночной экономики может приобрести только место людей-теней в теневой экономике. Им надлежит покорно служить в качестве почти даровых работников и демократических рабов «обществу услуг» хорошо зарабатывающих победителей в процессе глобализации. Новые «работающие бедняки» должны чистить ботинки бизнесменам умирающего общества труда, продавать им отравленные гамбургеры или охранять их универмаги. Тот, кто сдаст свой мозг в гардероб, сможет при этом даже мечтать о карьере миллионера сервиса.

«Мошенник разрушал труд, но присваивал себе зарплату рабочего; теперь он принужден работать без зарплаты, но мечтать о благословении успеха и прибыли даже в тюремной камере. . . Он должен быть воспитан к порядочному труду как деянию свободной личности с помощью принудительного труда».

Вильгельм Генрих Риль «Немецкий труд» (1861)

В англосаксонских странах этот мир ужасов для миллионов людей уже стал реальностью. Точно также обстоит дело в Третьем мире и в Восточной Европе.

В «Евро»-ленде полны решимости наверстать существующее отставание. По крайней мере, специальные экономические журналы давно уже не делают тайны из того, каким они представляют себе идеальное будущее труда. Дети Третьего мира, которые чистят стекла машин на зачумленных перекрестках улиц, служат сияющим примером «предприимчивости», на который следует ориентироваться и безработным в огромной «пустыне услуг». «Идеал будущего — это индивид как предприниматель своей собственной рабочей силы и обеспечения своего существования», — заявляет «Комиссия по вопросам будущего Республик Бавария и Саксония». И продолжает: «Спрос в простых личных услугах тем выше, чем меньше стоят услуги и, следовательно, зарабатывают те, кто их оказывает». В мире, где люди еще уважают себя, такое высказывание должно было бы спровоцировать социальный взрыв. Но в мире прирученного рабочего скота общества труда оно может вызвать только беспомощный кивок.

3. Апартеид неосоциального государства

Антинеолиберальным фракциям общественного лагеря труда не слишком нравится такая перспектива, но именно они неколебимы в том, что человек без работы — не человек. Они ностальгически привязаны к послевоенной эре фюрдистского массового труда и не мыслят ни о чем ином, кроме оживления этих ушедших времен. Государство вновь должно сделать то, на что неспособен рынок. Мнимо-нормальное состояние общества труда должны стимулировать «программы обеспечения занятости», организуемая муниципалитетом принудительная работа для тех, кто получает социальную помощь, субсидии предпринимателям, внутренний долг и другие политические меры. Этот лицемерно подогретый трудовой этатизм не имеет ни малейшего шанса, но остается идеологическим центром притяжения для широких слоев населения, которым угрожает обвал. И именно в силу своей безнадежности вытекающая из него практика никак не может носить освободительный характер.

Идеологическое превращение «труда, которого не хватает», в первое право гражданина неизбежно исключает всех неграждан государства. Таким образом, логика социальной селекции не подвергается сомнению, а просто определяется иначе: индивидуальная борьба за существование должна быть смягчена с помощью этно-националистических критериев. «Отечественная лямка — для граждан собственной страны» — рвется из народной души, которая в извращенной любви к труду снова натывается на идею «народного сообщества». Правый популизм не скрывает этого вывода. Его критика общества конкуренции ведет лишь к этническим чисткам в сокращающихся зонах капиталистического богатства.

Умеренный национализм социал-демократического или «зеленого» образца хочет, напротив, относиться к давно поселившимся в стране рабочим-имми-

грантам как к своим гражданам и даже предоставить им официальное гражданство, если те будут расшаркиваться, хорошо себя вести, если сохраниться гарантия их безбидности. Однако это позволяет еще лучше обосновать усиленную отсортировку беженцев с Востока и с Юга со ссылками на популистские аргументы и проводить ее с тем меньшим шумом, разумеется, всегда под прикрытием потока слов о гуманности и цивилизованности. Охота за «нелегальными» людьми, которые пытаются хитростью пролезть на отечественные рабочие места, по возможности не должна оставить отвратительных пятен крови и пожаров на немецкой земле. Для этого существуют пограничная служба, полиция и буферные государства вокруг Шенгенской страны, и они улаживают все в духе права и закона, по возможности подальше от камер телевидения.

Государственная симуляция труда является насильственной и репрессивной даже дома. Она служит неколебимому желанию всеми доступными средствами поддерживать господство идола труда даже после его смерти. Этот бюрократический трудовой фанатизм не позволяет тем, кто выпал из общества, не имеет работы и шансов, а также всем тем, кто с полным основанием отказывается от труда, найти покой даже в последних, и без того уже сузившихся нишах демонтируемого социального государства. Социальные работники и посредники в нахождении работы извлекают их на свет ламп государственных допросов; их принуждают публично пресмыкаться перед тронном властвующего трупа.

«Лучше иметь любую работу, чем не иметь никакой»

Билл Клинтон (1998)

«Никакая работа так не тяжела, как никакая»

Лозунг с выставки плакатов Федеральной координации инициатив безработных в Германии (1998)

Если в суде обычно сомнения толкуются в пользу обвиняемого, то здесь с доказательствами все обстоит наоборот. Если выпавшие из общества не хотят отныне питаться воздухом и жить за счет христианской любви к ближнему, им приходится соглашаться на любую, самую грязную и рабскую работу и прочие подобные абсурдные «меры по обеспечению занятости», чтобы продемонстрировать свою безусловную готовность работать. Имеет ли то, что они должны делать, хоть малейший смысл или является чистым абсурдом, совершенно неважно. Они должны пребывать в постоянном движении, чтобы никогда не забывать, по каким законам им следует существовать.

Прежде люди работали, чтобы заработать денег. Сегодня государство не останавливается ни перед какими расходами, чтобы заставить сотни тысяч людей симулировать исчезнувшую работу в «учебных мастерских» или «фирмах занятости» и быть наготове для нормальных «рабочих мест», которых они никогда не получают. Изобретаются все новые и все более глупые «меры» только для того, чтобы сохранить видимость того, что крутящийся вхолостую при-

водной ремень оставался в движении вечно. Чем бессмысленнее становится принуждение к труду, тем более жестоко приходится вдалбливать людям в голову, что даром не получишь и куска хлеба.

В этом отношении «новые лейбористы» и их подражатели во всем мире вполне совместимы с неолиберальной моделью социальной селекции. С помощью симуляции «занятости» и лжи о позитивном будущем общества труда создается моральное оправдание для еще более жестоких мер против безработных и уклоняющихся от работы. В то же самое время, государственное принуждение к труду, субсидии на оплату труда и так называемый «безвозмездный гражданский труд» все больше снижают стоимость рабочей силы. Так оказывается помощь разрастающемуся как опухоль сектору низкооплачиваемого и нищего труда.

Так называемая активная трудовая политика по образцу «новых лейбористов» не щадит даже хронических больных и матерей-одиночек с маленькими детьми. Получающий государственное пособие избавляется от бюрократической удавки только тогда, когда к большому пальцу на его ноге уже прикручена табличка с именем. Единственный смысл этой назойливости состоит в том, чтобы удержать как можно большее количество людей от каких бы то ни было требований к государству и продемонстрировать выпавшим из общества настолько отвратительные пыточные инструменты, что любая убогая работа по сравнению с ними покажется приятным делом.

Официально патерналистское государство все еще прибегает к плети только из любви и с намерением строже воспитывать своих, обвиненных в «нелюбви к труду» детей ради их будущего блага. Но фактически эти «педагогические» меры имеют только одну цель — избивать клиента с самого детства. Какой еще смысл может быть в том, чтобы насильно отправлять безработных на поля помогать собирать урожай? Там они должны вытеснить польских сезонных рабочих, которые соглашались на нищенскую плату только потому, что благодаря обменному курсу у них дома эта сумма превращается в приличные деньги. Но эта мера мало чем помогает принудительным работникам и не открывает им никакой «профессиональной перспективы». И для крестьян, выращивающих спаржу, эти недовольные квалифицированные работники и люди с высшим образованием, которыми их осчастливили, — сплошная неприятность. Но если после 12-часового рабочего дня на родной немецкой почве безумная идея с горя открыть сосисочную внезапно покажется не столь уж и плохой, то «помощь в обеспечении мобильности» оказала свое желаемое ново-британское воздействие.

«Гражданский труд должен вознаграждаться, а не оплачиваться. . . Но тот, кто занят гражданским трудом, теряет и позорное пятно безработного и получателя социальной помощи».

Ульрих Бек «Душа демократии» (1997)

4. Обострение и опровержение религии труда

Новый трудовой фанатизм, с которым наше общество реагирует на смерть своего кумира, служит логическим продолжением и последней ступенью долгой истории. Со времен Реформации все движущие силы западной модернизации проповедовали святость труда. В первую очередь, в последние 150 лет все общественные теории и политические течения были почти обуяны идеей труда. Социалисты и консерваторы, демократы и фашисты боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть, но, несмотря на смертельную вражду, всегда вместе приносили жертву идолу труда. «Лишь мы, работники всемирной, великой армии труда владеть землей имеем право, а паразиты — никогда», — говорилось в тексте интернационального рабочего гимна; «Труд делает свободным», — отзывалось жутким эхом на воротах Освенцима. Послевоенные плюралистические демократии тем более объявляли себя приверженцами вечной диктатуры труда. Даже конституция крайне католической Баварии поучает граждан вполне в духе лютеровской традиции: «Труд есть источник благосостояния народа и находится под особой защитой государства». В конце XX столетия всякие идеологические противоречия почти улетучились. Осталась лишь беспощадная общая догма о том, что труд есть естественное предназначение человека.

Сегодня эта догма опровергается самой реальностью общества труда. Жрецы религии труда всегда учили, что человек якобы по самой своей природе — «работающее животное». Он и человеком-то стал только, подчинив, как некогда Прометей, природную материю своей воле и преобразовав ее в изделия. Этот миф о покорителе мира и демиурге, имеющем свое призвание, всегда был издевательством над характером современного процесса труда, но в эпоху капиталистов-изобретателей типа Сименса и Эдисона и их квалифицированных рабочих он еще имел под собой какое-то основание. В настоящее же время этот жест стал чистым абсурдом.

Тот, кто сегодня задает вопросы о содержании, смысле и цели своей работы, — сумасшедший или помеха для самоценного функционирования общественной машины. Некогда гордый своим трудом «гомо фабер», который еще принимал всерьез на свой упрямый лад то, что он делал, теперь столь же старомоден, как механическая пишущая машинка. Мельница должна любой ценой вертеться — и точка. За открытия разума ныне отвечают отделы по рекламе и целая армия аниматоров и заводских психологов, имиджмейкеров и торговцев наркотиками. Там, где болтовня о мотивах и творчестве еще продолжается, ничто из этого уже не гарантировано, разве что как самообман. Вот почему такие качества, как самовнушение, самопредставление и симуляция компетентности относятся сегодня к важнейшим добродетелям менеджеров и квалифицированных работников, звезд СМИ и бухгалтеров, учителей и охранников автостоянок.

Само утверждение, что труд является вечной необходимостью и дан человеку от природы, основательно дискредитировано кризисом общества труда. Столетиями провозглашалось, что идола труда следует почитать уже хотя бы потому, что потребности людей не могут удовлетвориться сами по себе, без усилий и пота человека. И цель всего спектакля труда — якобы удовлетворение человеческих потребностей. Если бы это было так, критиковать труд имело бы не больше смысла, чем выступать с критикой силы тяжести. Но как может оказаться в кризисе или даже исчезнуть настоящий «закон природы»? Представители общественного лагеря труда — от помешавшейся на результативности неолиберальной пожирательницы икры до профсоюзного обладателя пивного брюха — настаивая на якобы естественности труда, лишаются аргументов. Как иначе они объяснят тот факт, что три четверти человечества сегодня погрязли в нужде и нищете, потому что системе общества труда их труд вовсе не нужен?

«Труд, даже самый низкий и служащий Маммоне, всегда связан с природой. Уже само желание заняться трудом все больше и больше ведет к истине и к законам и правилам природы, которые являются истиной».
Томас Карлейль «Трудиться и не отчаиваться» (1843)

На тех, кто выпал из общества, лежит уже не груз ветхозаветного проклятия «В поту лица своего будешь ты есть хлеб свой», а новый, куда более неумолимый приговор проклятия: «Ты не должен есть, потому что твой пот не нужен и его нельзя продать». И это должно быть законом природы? Это ни что иное, как иррациональный общественный принцип, кажущийся естественным законом, поскольку на протяжении столетий он разрушал все иные формы социальных отношений или подчинял их и превращал себя в абсолют. Это «естественный закон» общества, которое считает себя очень «рациональным», но в действительности следует лишь собственной логике своего идола труда и готово принести в жертву его «необходимости» последние остатки человечности.

5. Труд — это общественный принцип принуждения

Труд отнюдь не идентичен тому, что люди преобразуют природу и в процессе этой деятельности вступают в отношения друг с другом. Пока люди существуют, они будут строить дома, растить детей, писать книги, спорить, разбивать сады, сочинять музыку и так далее. Это банально и естественно. Но отнюдь не естественно то, что абстрактная человеческая деятельность, чистая «затрата рабочей силы», невзирая на ее содержание и совершенно независимо от потребностей и воли участников, объявляется абстрактным принципом, управляющим общественными отношениями.

В древних аграрных обществах существовали все мыслимые формы господства и личной зависимости, но не было диктатуры абстрактного труда. Действия по преобразованию природы и в рамках общественных связей отнюдь не были основаны на самоопределении, но не были подчинены и абстрактной «затрате рабочей силы», а укладывались в русло сложного комплекса религиозных предписаний, социальных и культурных традиций с разносторонними обязательствами. Для любого действия было свое особое время и место, никакой абстрактно-всеобщей формы деятельности не существовало.

Только современная система товарного производства с ее самоцелью непрерывного превращения человеческой энергии в деньги породила особую, «оторванную» от всех остальных связей, абстрагированную от любого содержания сферу так называемого труда. Это сфера несамостоятельной, безусловной, не соотносящейся ни с чем, роботоподобной деятельности, вырванной из общего социального контекста и подчиняющейся абстрактной «экономической» рациональности по ту сторону реальных потребностей. В этой, оторванной от жизни сфере время перестает быть живым и прожитым временем, оно становится просто сырьем, которое должно быть оптимальным образом использовано — «Время — деньги». Каждая секунда рассчитана, любой поход в туалет — неприятность, любой разговор — преступление против производства, ставшего самоцелью. Там, где идет работа, можно расходовать только абстрактную энергию. Жизнь идет где-то в другом месте — или вообще не идет, поскольку временной отрезок труда вторгается во все и управляет всем. Уже детей дрессируют на время, чтобы потом они стали «результативными». Отпуск служит только восстановлению «рабочей силы». И даже во время еды, праздников, любви в подсознании тикает секундомер.

В сфере труда значение имеет не то, что делается, а то, что действие как таковое совершается, ведь труд — это самоцель лишь в той мере, в какой он является носителем возрастания ценности денежного капитала, бесконечного умножения денег ради денег. Труд — это форма деятельности этой абсурдной самоцели. Вот почему, а вовсе не по каким-то разумным причинам все продукты производятся как товары. Ведь только в этой форме они представляют абстракцию денег, содержание которой — абстракция труда. В этом и состоит ставший самостоятельным механизм общественного колеса, к которому приковано современное человечество.

И именно поэтому содержание производства также безразлично, как использование произведенных вещей, как последствия этого для общества и природы. Строятся дома или изготавливаются пехотные мины, печатаются книги или выращиваются генетически модифицированные помидоры, заболевают от этого люди, отравляется воздух или «всего лишь» улучшается вкус — все это неважно, пока любым способом товар можно превратить в деньги, а деньги — в новый труд. То, что товар требует конкретного применения, быть может, пагубного, совершенно не интересно с точки зрения экономической рациональности:

ведь для нее продукт есть лишь носитель прежнего, «мертвого труда».

Накопление «мертвого труда» в качестве капитала, выраженного в форме денег, — это единственный «смысл», известный современной системе товарного производства. «Мертвый труд»? Что за метафизическое безумие? Да, но метафизика, ставшая осязаемой реальностью, безумие, обросшее плотью, которое держит наше общество железной хваткой. В бесконечной череде покупок и продаж люди выступают не как сознательные общественные существа; они, как социальные автоматы, всего лишь выполняют стоящую перед ними самоцель.

«Рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя. Он дома, только когда не работает, а когда он работает — он не у себя дома. Его труд поэтому не доброволен, а вынужден, это принудительный труд. Он не служит удовлетворению потребности, а есть лишь средство, чтобы удовлетворять потребности, лежащие вне его. Его отчужденность ясно проявляется в том, что когда отсутствует физическое или иное принуждение, от труда бегут, как от чумы»

Карл Маркс «Экономическо-философские рукописи» (1844)

6. Труд и капитал — две стороны одной медали

Политическая левая всегда особенно ревностно почитала труд. Она не только возвела его в сущность человека, но и мистифицировала его как мнимую антитезу капиталу. Они считали скандальным не сам труд, а его эксплуатацию капиталом. Вот почему программа всех рабочих партий провозглашала только «освобождение труда», но не освобождение от труда. Социальное противоречие между трудом и капиталом — это всего лишь противоречие между различными (хотя обладающими различной силой) интересами внутри капиталистической самоцели. Классовая борьба была формой выражения этих противоположных интересов на общей социальной почве системы товарного производства. Она была частью внутренней динамики движения накопления капитала. Велась ли борьба за зарплату, за права, за условия труда или за рабочие места, — она всегда исходила из слепой посылки господствующего колеса со всеми его иррациональными принципами.

С точки зрения труда качественное содержание производства так же неважно, как и с точки зрения капитала. Интересует только возможность оптимальной продажи рабочей силы. Речь не идет о совместном определении смысла и цели собственного действия. Если когда-то и была надежда, что такое самоопределение в вопросах производства может быть осуществлено в формах системы товарного производства, то «рабочие силы» давно уже стряхнули с себя эту иллюзию. Речь идет только о «рабочих местах», о «занятости»: уже са-

ми термины служат доказательством того, что весь спектакль носит характер самоцели, а его участники не отвечают за свои действия.

Что, зачем и с какими последствиями производится — это продавцу товара «рабочая сила», в конечном счете, так же безразлично, как и его покупателю. Рабочие АЭС или химических фабрик громче всего протестуют, когда их тикающие бомбы замедленного действия должны быть обезврежены. А «занятые» на «Фольксвагене», «Форде» или «Тойоте» — самые фанатичные поборники самоубийственной автомобильной программы. Но не потому, что они вынуждены продавать себя, чтобы вообще получить возможность жить, а потому что они и в самом деле отождествляют себя с этим тупым существованием. Социологи, профсоюзные деятели, попы и другие профессиональные теологи «социального вопроса» считают это доказательством морально-этической силы труда. Труд создает личность, говорят они. Совершенно верно. Он создает личность зомби товарного производства, уже не могущего представить себе жизнь вне этого обожаемого колеса, к которому сам же ежедневно прилаживается.

*«На стороне труда все больше оказывается совесть: тяга к радости уже именуется «потребностью в отдыхе» и начинает стыдиться сама себя. «Это нужно для здоровья», — так говорят люди, когда их застигнут на загородном пикнике. Скоро может дойти до того, что тяге к *vita contemplativa* (то есть к прогулке наедине с мыслями или вместе с друзьями) нельзя будет предаваться без презрения к самому себе и угрызений совести»*

Фридрих Ницше «Досуг и праздность» (1882)

Но как рабочий класс никогда не был антагонистической противоположностью капиталу и субъектом человеческого освобождения, так и, наоборот, капиталисты и менеджеры никогда не управляли обществом в соответствии со злой субъективной эксплуататорской волей. Ни один господствующий класс в истории не вел такую несвободную и жалкую жизнь, как суетливые менеджеры «Майкрософта», «Даймлер-Крайслера» или «Сони». Любой средневековый помещик глубоко презирал бы этих людей. В то время как тот мог предаваться праздности и более или менее вакхически прожигать свое богатство, то элиты общества труда не смеют позволить себе ни малейшей остановки. Вне колеса они не знают, что делать, разве что снова впасть в детство; досуг, удовольствие от познания и чувственное наслаждение для них столь же чужды, как и для их человеческого материала. Они сами — всего лишь рабы идола труда, простые функциональные элиты иррациональной общественной самоцели.

Властвующий идол умеет навязать свою безликую волю через «безмолвное принуждение» конкуренции, перед которым должны склониться даже могущественные, именно потому, что они управляют сотнями фабрик и спекулируют миллиардными суммами по всему Земному шару. Если они этого не сделают, то будут так же безжалостно выброшены на обочину, как излишняя «рабочая

сила». Но именно несамостоятельность функционеров капитала, а не их субъективная эксплуататорская воля делает их столь безмерно опасными. Они менее чем кто-либо смеют задаваться вопросом о смысле и последствиях их безостановочной деятельности. Они уже не могут позволить себе проявить чувства и осмотрительность. Вот почему, превращая мир в пустыню, обезображивая города и превращая людей в нищих посреди богатств, они называют это реализмом.

7. Труд — это патриархальное господство

Хотя логика труда и его преобразования в денежную материю и побуждает к этому, не все области жизни общества и необходимые формы жизнедеятельности могут быть втиснуты в эту сферу абстрактного времени. Вот почему вместе с «выделившейся» сферой труда возникла — в известной мере, как ее обратная сторона — область частного быта, семьи и интимности.

В этой сфере, называемой «женской», остались многие, вновь и вновь совершаемые действия повседневной жизни, которые нельзя превратить в деньги, разве что в исключительных случаях: от уборки и готовки до воспитания детей, ухода за стариками и «любовной работы» идеальной домохозяйки, наливающей своему измученному мужу выпить и «питающей» его эмоции. Поэтому идеологи буржуазной семьи ложно объявляют сферу частной жизни как обратную сторону труда очагом «жизни в собственном смысле слова» — хотя в действительности чаще всего скорее частный ад. Речь идет как раз не об области лучшей и действительной жизни, а о такой же отупляющей и урезанной форме существования, только с иным знаком. Сама эта сфера — продукт труда, хотя и отделенный от него, но существующий только в связи с ним. Без отделенного социального пространства «женских» форм деятельности общество труда никогда не смогло бы существовать. Это пространство — молчаливая предпосылка и одновременно специфический результат общества труда.

Сказанное относится и к половым стереотипам, которые стали всеобщими в ходе развития системы товарного производства. Не случайно образ женщины, которой движут природа и инстинкты, иррациональное начало и эмоции, утвердился как массовый предрассудок только вместе с образом работающего мужчины — создателя культуры, разумного и владеющего собой. И не случайно становление ориентации белого мужчины на требования труда и государственного управления людьми происходило одновременно с вековой яростной «охотой на ведьм». Начавшееся одновременно с этим естественнонаучное освоение мира уже с самого начала своего было заражено самоцелью общества труда и предписанными им половыми ролями. Таким образом белый мужчина вытравливал из себя все чувства и эмоциональные потребности, которые в царстве труда считались лишь помехой. Это позволяло ему беспрепятственно выполнять свои функции.

«Человечество должно было сотворить с собой нечто ужасное, прежде чем была создана самость, идентичный, целенаправленный, мужской характер человека, и кое-что из этого все еще повторяется в детстве каждого»

Макс Хоркхаймер, Теодор В. Адорно «Диалектика Просвещения»

В XX столетии, особенно в послевоенных фордистских демократиях женщины стали все больше вовлекаться в систему труда. Но результатом стало лишь шизофреническое сознание женщины. Ведь, с одной стороны, вторжение женщины в сферу труда не может принести ей освобождения, но вызывает лишь то же подчинение идолу труда, что и у мужчин. С другой стороны, структура «раскола» сохраняется в нетронутым виде, а значит сохраняется и сфера «женской» деятельности вне официального труда. Таким образом, на женщин легла двойная нагрузка, они оказались во власти одновременно различных, полностью противоречащих друг другу социальных императивов. Внутри сферы труда они до сих пор остаются на преимущественно хуже оплачиваемых и подчиненных позициях.

И здесь ничего не может изменить происходящая в рамках системы борьба за введение квот для женщин и предоставление им шансов на карьеру. Убогое буржуазное представление о «сочетании профессии и семьи» совершенно не затрагивает разделение между сферами системы товарного производства и, значит, общественную структуру «откола». Для большинства женщин эта перспектива нежизнеспособна, для «хорошо зарабатывающего» меньшинства она становится подлой привилегированной позицией в социальном апартеиде, а домашнее хозяйство и уход за детьми они могут передать хуже оплачиваемым работникам («естественно», женщинам).

В обществе в целом освященная буржуазией сфера так называемой частной жизни и семьи все более выхолащивается и деградирует, поскольку общество труда узурпирует всего человека в целом, требует его самопожертвования, мобильности и приспособления во времени. Патриархат не упраздняется, в условиях непризнанного кризиса общества труда он только становится более диким. По мере краха системы товарного производства на женщин ложится ответственность за выживание на всех уровнях, в то время как «мужской» мир симулирует продление категорий общества труда.

8. Труд — это деятельность несамостоятельных людей

Тождество труда и несамостоятельности доказывается не только фактами, но и на уровне понятий. Еще несколько лет назад люди прекрасно сознавали связь между трудом и социальным принуждением. В большинстве европейских языков термин «труд» первоначально относился только к деятельности

несамостоятельных людей, зависимых, крепостных или рабов. В германских языках это слово означало тяжелую работу осиротевших и обращенных в крепостную зависимость детей. В латыни «лабораре» значило «качаться под тяжестью груза» и в широком смысле имело в виду мучения и непосильный труд раба. Слова романских языков «травай», «трабахо» и т.д. («труд», соответственно, по-французски и по-испански, — примечание переводчика) происходят от латинского «трипалиум» — ярма, которое использовалось для пыток и наказаний рабов и других несвободных. Воспоминание об этом еще звучит в немецком выражении «ярмо труда». (В русском языке слово «труд» имеет тот же корень, что и слово «трудность», а «работа» — что и слово «раб», — примечание переводчика).

Итак, по своему происхождению слово «труд» не является синонимом самоопределяемой деятельности людей, а служит указанием на несчастливую судьбу в обществе. Это деятельность тех, утратил свою свободу. Распространение труда на всех членов общества — это ни что иное, как обобщение крепостной зависимости, а современное поклонение труду — всего лишь почти религиозное возвеличивание такого состояния.

Успешно вытеснить эту связь из сознания и усвоить социальные требования этого рода удалось потому, что обобщение труда происходило одновременно с его «конкретизацией» современной системой товарного производства: большинство людей уже не попадали под кнут своего личного хозяина. Социальная зависимость превратилась в абстрактную структуру системы, и именно таким образом она стала тотальной. Она чувствуется повсюду и именно поэтому трудноуловима. Там, где каждый становится рабом, каждый в то же самое время и господин — как свой собственный работородец и надсмотрщик. И все повинуются невидимому идолу системы, «Большому брату» накопления капитала, который послал их под ярмо — «трипалиум».

9. Кровавая история утверждения труда

История современной эпохи — это история утверждения труда, оставившая по всей планеты огромные следы опустошения и ужаса. Ведь требование obratить большую часть своей жизненной энергии на благо отчужденной самоцели никогда не было столь усвоено разумом людей, как сейчас. Потребовались долгие столетия открытого насилия в большом масштабе, чтобы буквально пытками навязать людям безусловное служение идолу труда.

У истоков стояло не якобы «повышающее благосостояние» расширение рыночных отношений, а ненасытная жажда денег аппарата абсолютистского государства, чтобы финансировать военные машины раннего этапа современной эпохи. Только интересы этих аппаратов, впервые в истории накинущих на все общество бюрократическую удавку, вызвали ускоренное развитие городского купеческого и финансового капитала, которое вышло далеко за рамки

традиционных торговых отношений. Только таким образом деньги превратились в центральный общественный мотив, а абстракция труда — в центральное общественное требование, независимое от реальных потребностей.

Большинство людей перешли к производству для анонимных рынков и, тем самым, к всеобщей денежной экономике отнюдь не добровольно, а потому что жажда денег со стороны абсолютистского государства вызвала обращение налогов в денежную форму и одновременно огромное повышение их. Они вынуждены были «зарабатывать деньги» не для себя, а для вооруженного огнестрельным оружием государства раннего этапа современного периода истории, для его снабжения и его бюрократии. Именно так и не иначе появилась на свет абсурдная самоцель накопления капитала и, следовательно, труд.

«Варвар ленив и отличается от образованного человека тем, что в тупости своей он слоняется туда и сюда; ведь практическое образование состоит именно в привычке и потребности в занятии»

Георг В.Ф.Гегель «Основы философии права» (1821)

Вскоре денежных налогов и поборов уже не хватало. Бюрократы абсолютистского государства и администраторы финансового капитала принялись силой организовывать самих людей как материал общественной машины по превращению труда в деньги. Традиционный образ жизни и способ существования населения разрушался — не потому что это население добровольно «развивалось» на основе самоопределения, а потому что оно как человеческий материал должно было быть приложено к запущенной машине накопления. Людей силой оружия сгоняли с их полей, чтобы освободить место для овцеводства на нужды мануфактур шерсти. Старые права, такие как свобода охоты, рыболовства и собирания дров в лесах, были отменены. А если обнищавшие люди затем бродили по стране, прося милостыню и воруя, их бросали в рабочие дома и мануфактуры, чтобы мучить машинами трудовой пытки и вбить в них рабское сознание покорной рабочей скотины.

Но и такого, осуществляемого пинками превращения своих подданных в материал для делающего деньги идола труда не хватило абсолютистским государствам-монстрам надолго. Они расширили свои претензии на другие континенты. Внутренняя колонизация Европы происходила одновременно с внешней, первоначально в обеих Америках и в части Африки. Здесь погонщики труда окончательно отбросили всякие сдерживающие границы. Они повели беспримерные до тех пор разбойничьи, разрушительные и истребительные походы, нападая на вновь «открытые» миры, ведь тамошние жертвы вообще еще не считались людьми. Каннибальские власти забрезжившего общества труда Европы именовали покоренные чужие культуры «дикарями» и каннибалами.

Так было создано оправдание для того, чтобы истреблять их или обратить в миллионы рабов. Самое настоящее рабство в колониальном плантацион-

ном хозяйстве и при добыче полезных ископаемых, превзошедшее по своим масштабам античное рабовладение, относится к изначальным преступлениям системы товарного производства. Здесь впервые широко применялось «уничтожение с помощью труда». Это было второе основание общества труда. Белый человек, уже отмеченный самодисциплиной, мог сорвать на «дикарях» свою вытесненную ненависть к самому себе и свой комплекс неполноценности. Подобно «женщине», они казались ему близкими к природе и примитивными существами, стоящими на полдороги между животным и человеком. Иммануил Кант язвительно предполагал, что павианы могли бы говорить, если бы захотели, но не делают этого, боясь, что тогда их заставят работать.

Это гротескное суждение освещает Просвещение предательским светом. Репрессивная трудовая этика современной эпохи, ссылавшаяся в своей первоначальной версии на милосердие божье, а со времени Просвещения — на естественный закон, была замаскирована под «цивилизаторскую миссию». Культура в этом смысле — это добровольное подчинение труду, а труд носит мужской, белый и «западный» характер. Противоположное начало — нечеловеческая, бесформенная и лишенная культуры природа — является женским, цветным и «экзотическим». Одним словом, «универсализм» общества труда уже с самого начала был крайне расистским. Универсальная абстракция труда всегда могла определять себя только через отграничение от всего, что в нее не входит.

Современная буржуазия, в конечном счете принявшая наследие абсолютизма, выросла отнюдь не из мирных купцов с древних торговых путей. Общественную почву, которая породила современное «предпринимательство», составляли кондотьеры наемных орд раннего периода современной эпохи, администраторы работных домов и тюрем, сборщики налогов, надсмотрщики за рабами и прочие головорезы. Буржуазные революции XVIII — XIX веков не имели ничего общего с социальным освобождением; они всего лишь перетасовали отношения власти внутри сложившейся системы принуждения, освободили институты общества труда от устаревших династических интересов и открыли путь дальнейшим овеществлению и деперсонификации. Именно славная Французская революция с особым пафосом провозгласила обязанность трудиться и «законом против нищенства» ввела новые работные дома — тюрьмы.

Социально-бунтарские движения, вспыхивавшие на обочине буржуазных революций, но не входившие в них, стремились к совершенно противоположным вещам. Еще задолго до этого существовали совершенно самостоятельные формы сопротивления и отказа, которые бессильна объяснить официальная историография общества труда и модернизации. Производители старых аграрных обществ, не желавшие безропотно мириться с феодальными отношениями господства, тем более не хотели превращаться в «рабочий класс» навязанной им системы. От крестьянских войн XV и XVI веков до восстаний движений в Англии, позднее прозванных «разрушителями машин», и восстания силез-

ских ткачей 1844 г. тянется единая цепочка ожесточенного сопротивления против труда. Утверждение общества труда и иногда открытая, иногда скрытая гражданская война столетиями были одним и тем же.

«В сущности, теперь чувствуют. . . , что такой труд — это самая лучшая полиция, что он каждого держит в узде и способен мощно воспрепятствовать развитию разума, чувственности, жажды независимости. Ведь он требует исключительно много нервных сил и отбирает их у раздумья, размышления, мечтания, заботы, любви, ненависти»

Фридрих Ницше «Панегиристы труда» (1881)

Старые аграрные общества отнюдь не были раем. Но чудовищное принуждение прорывавшегося общества труда воспринималось людьми только как ухудшение их положения и «время отчаяния». Действительно, несмотря на все тяготы положения, людям еще было, что терять. То, что ложному сознанию современного мира казалось тьмою и мукой Средневековья, было в действительности страхом перед своей собственной историей. В докапиталистических и некапиталистических культурах в Европе и за ее пределами ежедневное и годовое рабочее время было гораздо меньше, чем даже сегодня у современных работников, «занятых» на фабриках и в бюро. И само производство было далеко не таким сгущенным по времени, как в обществе труда; его пронизывала ярко выраженная культура досуга и относительной «медлительности». Если не считать природных катастроф, то основные материальные потребности большинства людей удовлетворялись куда лучше, чем на протяжении долгих периодов истории модернизации и даже чем в чудовищных трущобах сегоднешнего, охваченного кризисом мира. Да и господство так не ощущалось кожей, как в пронизанном бюрократией обществе труда.

Вот почему сопротивление против труда могло быть сломлено только военной силой. До сих пор идеологи общества труда лицемерно молчат о том, что культура производителей эпохи, которая предшествовала современной, была не «развита», а потоплена в собственной крови. Сегодняшние зрелые демократы труда предпочитают свалить все эти чудовищные вещи на «демократическое состояние» прошлого, с которым они якобы не имеют ничего общего. Они не желают признать, что ранняя террористическая история современной эпохи предательски обнажает существо нынешнего общества труда. Бюрократическое управление трудом и государственный учет людей в индустриальных демократиях никогда не могли опровергнуть свои абсолютистские и колониальные истоки. Репрессивное управление людьми во имя идола труда лишь увеличилось, материализовавшись в безличную структуру системы, и пронизало все сферы жизни.

Как раз сегодня, в агонии труда железная бюрократическая хватка вновь так же ощущается, как в ранний период общества труда. Управление трудом

открыто выступает как принудительная система, каковой оно всегда и было. Оно организует социальный апартеид и тщетно пытается остановить кризис с помощью демократического государственного рабства. Порочный колониальный дух также возвращается в принудительном управлении Международным валютным фондом экономикой уже разрушенных одна за другою стран на периферии. После гибели его идола общество труда во всех отношениях вспоминает о преступных методах своего созидания. Но они уже не могут его спасти.

10. Рабочее движение было движением за труд

Классическое рабочее движение, которое испытало подъем лишь тогда, когда старые социальные бунты давно отошли в прошлое, уже не вело борьбу против требований труда. Наоборот, оно сверх меры отождествляло себя с тем, что казалось неминуемым. Для него шла речь лишь о «правах» и улучшениях внутри общества труда, насилие которого оно уже в значительной мере усвоило. Вместо радикальной критики превращения человеческой энергии в деньги как иррациональной самоцели, оно само встало на «позицию труда» и стало воспринимать его использование как позитивный, нейтральный факт.

Так рабочее движение на свой лад выступило наследником абсолютизма, протестантизма и буржуазного Просвещения. Несчастье труда стало ложной гордостью труда, которая переименовала собственное приручение и превращение в человеческий материал для современного идола в «право человека». Прирученные илоты труда в известном смысле идеологически позаимствовали у врага его же оружие и с рвением миссионеров стали, с одной стороны, добиваться «права на труд», а, с другой, требовать для всех «обязанности трудиться». С буржуазией боролись не как с носителем функции общества труда, напротив, именно во имя труда ее ругали как паразита. Все члены общества без исключения должны были насильно зачислены в «трудовые армии».

Так рабочее движение само стало застрельщиком капиталистического общества труда. Именно оно в процессе развития труда добилось в борьбе против упрямых носителей функций буржуазии XIX — начала XX веков осуществления последних ступеней овеществления — совершенно так же как столетием раньше буржуазия выступила наследником абсолютизма. Это стало возможным только потому, что рабочие партии и профсоюзы, обожествляя труд, позитивно относились к государственному аппарату и институтам репрессивного управления трудом, которые они хотели не ликвидировать, а занять сами в ходе своего рода «марша через институты». Тем самым они, как прежде буржуазия, переняли бюрократическую традицию управления людьми в обществе труда со времени абсолютизма.

Идеология социального обобщения труда потребовала, однако, и новых политических отношений. На место деления на сословия с различными поли-

тическими «правами» (к примеру, правом голоса в зависимости от размеров уплачиваемых налогов) в только что утвердившемся обществе труда должно было придти всеобщее демократическое равенство совершенного «государства труда». Неравномерность в ходе машины создания стоимости, как только она стала определять всю общественную жизнь, должна была быть выровнена с помощью «социального государства». И рабочее движение само дало пример этому. Под именем «социал-демократии» оно стало крупнейшим «гражданским движением» в истории, которое не могло быть ничем иным, кроме как поставленной для себя же ловушкой. Ведь в демократии можно вести переговоры обо всем, но только не о принуждении общества труда — они предопределены как аксиома. Обсуждаться могут только способы и формы этого принуждения. Выбор всегда есть лишь между моющим средством «Омо» и «Персил», между чумой и холерой, между наглостью и глупостью, между Колем и Шредером.

Демократия общества труда — самая коварная система господства в истории, система самоугнетения. Вот почему эта демократия никогда не обеспечивает свободное самоопределение членов общества в том, что касается их общих ресурсов, она лишь создает правовую форму социально отделенных друг от друга трудовых монад, которые, конкурируя друг с другом, вынуждены продаваться на рынках труда. Демократия — это противоположность свободы. Демократические люди труда неизбежно разделяются на управляющих и управляемых, предпринимателей и объекты предпринимательских действий, функциональные элиты и человеческий материал. Политические партии, включая рабочие, покорно воспроизводят эти отношения в своих собственных структурах. Вожди и вехомые, авторитетные деятели и солдаты партии, идущие в связке и попутчики служат указанием на отношения, которые не имеют ничего общего с открытыми дискуссиями и поиском решений. То, что сами элиты могут быть лишь несамостоятельными функционерами идола труда и его слепой воли — это неотъемлемая составная часть логики системы.

*«Труд должен держать скипетр,
Работ должен быть лишь тунядец,
Труд должен править миром,
Поскольку лишь благодаря ему существует мир»*
Фридрих Штампфер «Честь труда» (1903)

Самое позднее со времен нацистов все рабочие партии — одновременно партии капитала. В «развивающихся обществах» Востока и Юга рабочее движение испытало мутацию в государственно-террористическую партию догоняющей модернизации, на Западе — в систему «народных партий» с заменяемой программой и фигурами представителей для средств массовой информации. Классовая борьба пришла к концу, поскольку пришло к концу само общество

труда. Классы проявляют себя как социальные функциональные категории общей системы — фетиша тем сильнее, чем больше эта система отмирает. Если социал-демократия, «зеленые» и бывшие коммунисты отличаются в деле кризисного управления и разрабатывают особенно подлые программы репрессий, то они лишь проявляют себя как законные наследники рабочего движения, которое никогда не хотело ничего иного, кроме как труда любой ценой.

11. Кризис труда

После Второй мировой войны на короткий исторический момент могло показаться, что общество труда в фордистской промышленности консолидировалось в систему «вечного процветания», в которой чувство невыносимости насильственной самоцели было надолго успокоено за счет массового потребления и социального государства. Помимо того, что такое представление всегда было лишь идеей демократических илотов и затрагивало только небольшое меньшинство населения мира, оно оказалось обманчивым и в центрах системы. С началом третьей промышленной революции — микроэлектронной — общество труда натолкнулось на свой абсолютный исторический предел.

То, что такая граница будет рано или поздно достигнута, можно было предвидеть логически. Ведь система товарного производства с рождения страдает от неразрешимого внутреннего противоречия. С одной стороны, она существует за счет массового впитывания в свой механизм человеческой энергии посредством затраты рабочей силы — чем больше, тем лучше. С другой же стороны, закон экономической конкуренции вызывает постоянное увеличение производительности, при чем рабочая сила людей заменяется научно-организованным материальным капиталом.

Это внутреннее противоречие стало уже глубинной причиной всех предыдущих кризисов, включая разрушительный мировой экономический кризис 1929 — 1933 гг. Но их удавалось снова и снова преодолевать с помощью механизма компенсации: на более высоком уровне производительности после определенного инкубационного периода удавалось за счет расширения рынков на новые слои потребителей впитать в абсолютном отношении большее количество труда, чем было прежде уничтожено в ходе рационализации. Затраты рабочей силы на отдельный произведенный продукт уменьшались, но в абсолютном значении производилось больше продуктов, что позволяло более чем компенсировать это уменьшение. Таким образом, до тех пор, пока инновации продукта опережают инновации процесса, внутреннее противоречие системы может быть переведено в расширение производства.

Ярким историческим примером служит автомобиль. Благодаря конвейеру и другой технологии рационализации в духе «научной организации труда» (впервые — на автомобильной фабрике Генри Форда в Детройте) рабочее время на изготовление одной машины многократно сократилось. Но в то же

время труд стал чудовищно более интенсивным и напряженным, так что за то же самое время впитывалось во много раз больше человеческого материала. Прежде всего, удалось за счет одновременного удешевления автомобиля превратить его из предмета роскоши для верхних десяти тысяч в продукт массового потребления.

Таким образом, несмотря на рационализированное конвейерное производство, во время второй промышленной революции «фордизма» на более высоком уровне удовлетворялся ненасытный аппетит идола труда в человеческой энергии. В то же время автомобиль служит главным примером деструктивного характера способа производства и потребления, существующего в высокоразвитом обществе труда. В интересах массового производства автомобилей и массового индивидуального транспорта покрываются бетоном и уродуются ландшафты, отравляется окружающая среда и, легко пожав плечами, люди спокойно мирятся с тем, что на улицах мира годами идет необъявленная Третья мировая война с миллионами убитых и искалеченных.

В ходе третьей промышленной революции, микроэлектронной, прежний механизм компенсации через расширение перестает работать. Конечно, и микроэлектроника удешевляет многие продукты и создает новые (особенно в сфере информации и коммуникации). Но впервые темп инновации процесса опережает темп инновации продукта. Впервые в ходе рационализации уничтожается больше труда, чем может быть вновь абсорбировано с помощью расширения рынков. Логика продолжения рационализации ведет к замене человеческой энергии роботами, новые коммуникационные технологии делают труд человека излишним. Целые сектора и уровни конструирования, производства, маркетинга, складирования, сбыта и даже менеджмента отмирают. Впервые идол труда против воли переводит себя на длительный голодный рацион. Тем самым он вызывает свою собственную смерть.

Поскольку демократическое общество труда — это вызревшая система с обратной связью и ориентацией на самоцель затраты рабочей силы, переключение на всеобщее сокращение рабочего времени в рамках ее форм невозможно. Экономическая рациональность требует, чтобы, с одной стороны, все большие массы оставались длительное время «безработными» и тем самым отрезанными от необходимого системе воспроизводства своей жизни, а с другой, — чтобы постоянно сокращающиеся количественно «занятые» подвергались все большему понуканию быстрее и производительнее работать. Даже в капиталистических центрах посреди богатства возвращаются бедность и голод, пригодные для использования средства производства и поля в массовом порядке забрасываются, а число бездомных неотвратимо растет.

«Основной моральный принцип — это право человека на его труд. . . Для моих чувств нет ничего более отвратительного, чем праздная жизнь. Никто из нас не имеет на это права. В цивилизации нет места для тунеядцев»

Генри Форд

Капитализм превращается в глобальный спектакль для меньшинства. Оказавшись в бедственном положении, умирающий идол труда поедает сам себя. В поисках еще имеющегося трудового питания капитал взрывает границы национальных экономических систем и глобализируется в кочевой конкуренции на вытеснение. Целые регионы мира отрезаются от глобальных потоков капитала и товаров. В беспримерной волне слияний и «захватов» концерны готовятся к последнему сражению экономики. Дезорганизованные государства и нации взрываются изнутри; население, ввергнутое в безумие конкурентной борьбой за выживание, раздирается войнами между этническими бандами.

«Капитал — это спорящее с самим собой противоречие в том, что он стремится сократить рабочее время до минимума, но с другой стороны вводит рабочее время как единственную меру и источник богатства. . . С одной стороны, таким образом, он призывает к жизни все силы науки и природы, общественной комбинации и общественного общения, чтобы сделать создание богатств (относительно) независимым от затраченного на них рабочего времени. С другой, он хочет измерять созданные таким образом гигантские общественные силы рабочим временем и сдерживать их в границах, требующихся для того, чтобы сохранить уже созданную стоимость как стоимость».

Карл Маркс «Наброски критики политической экономии» (1857-1858)

12. Конец политики

Кризис труда неминуемо влечет за собой кризис государства и, тем самым, политики. В принципе, современное государство обязано своей карьерой тому факту, что система товарного производства нуждается в вышестоящей инстанции, гарантирующей соблюдение рамок конкуренции, общие правовые основы и предпосылки создания стоимости — включая репрессивный аппарат на случай, если человеческий материал окажется однажды слишком строптивым для системы. В своей зрелой форме массовой демократии государство вынуждено было в XX веке взять на себя и растущие социально-экономические задачи. Сюда относится не только социальная сеть, но и системы образования и здравоохранения, сети транспорта и коммуникации, всевозможные виды инфраструктуры, ставшие необходимыми для функционирования индустриально развитого общества труда, но не могущие быть организованы как экономический процесс создания стоимости. Эти разновидности инфраструктуры должны длительный срок целиком находиться в распоряжении всего общества, и потому не могут зависеть от рыночной конъюнктуры спроса и предложения.

Поскольку государство не является самостоятельной единицей в создании стоимости и тем самым не может само превращать труд в деньги, для финансирования своих задач оно должно черпать деньги из реального процесса создания стоимости. Иссякает создание стоимости — иссякают и финансы государства. Мнимый суверен общества оказывается совершенно несамостоятельным перед лицом слепой, фетишизированной экономики общества труда. Он может издавать законы, сколько хочет, но если производительные силы перерастают систему труда, позитивное государственное право повисает в воздухе, ибо всегда может опираться лишь на субъекты труда.

С постоянным ростом массовой безработицы пересыхают доходы государства от налогообложения трудовых доходов. Социальные сети рвутся, когда достигается критическая масса «лишних людей», которых можно кормить при капитализме лишь с помощью перераспределения других денежных доходов. Со стремительным процессом концентрации переживающего кризис капитала, процессом, выходящим за границы национальных экономических комплексов, рушатся и доходы государства от налогообложения доходов предпринимателей. Транснациональные концерны принуждают государства, конкурирующие между собой в борьбе за привлечение инвестиций, к налоговому, социальному и экологическому демпингу.

Именно такое развитие заставляет демократическое государство совершить мутацию превращения в чистого администратора кризиса. Чем оно ближе к чрезвычайному финансовому положению, тем больше ужимается до своей репрессивной сердцевины. Инфраструктура сводится к обслуживанию потребностей транснационального капитала. Как некогда в колониальных областях, общественное обеспечение все больше ограничивается немногими экономическими центрами, все остальное приходит в запустение. Все, что можно, приватизируется, даже если в результате этого все больше людей отрезаются от снабжения самыми элементарными услугами. Поскольку накопление капитала концентрируется на все более маленьких островках мирового рынка, повсеместное обеспечение населения больше не происходит.

Если это не затрагивает непосредственно важные для экономики сферы, совершенно безразлично, ходят ли поезда и приходят ли письма. Образование становится привилегией выигравших от глобализации. Духовная, художественная и теоретическая культура подчиняется критериям рынка и отмирает. Здравоохранение не финансируется и распадается на систему классов. Сперва исподволь и тайно, а затем со всей открытостью действует закон социальной эвтаназии: если ты беден и стал «лишним», ты должен раньше умереть.

Хотя всех знаний, способностей и средств медицины, образования, культуры, всеобщей инфраструктуры более чем в избытке, они сдерживаются, рассредоточиваются и превращаются в ничто в соответствии с иррациональным законом общества труда, превращенным в объективную «экономию средств». Точно так же обстоит дело с промышленными и сельскохозяйственными сред-

ствами производства, которые объявляются «нерентабельными». Демократическому государству, преобразованному в систему апартеида, нечего предложить своим бывшим трудовым гражданам, кроме репрессивной симуляции труда в форме принудительного и дешевого труда и демонтажа всех услуг. На следующей стадии государственное управление распадается вообще. Государственный аппарат дичает, превращаясь в коррумпированную клептократию, армии становятся мафиозными военными бандами, полиция — разбойниками с большой дороги.

Эти процессы не может остановить или тем более повернуть вспять ни одна политика в мире. Ведь политика по сути своей — это действия, связанные с государством, и в условиях разгосударствления они теряют основание. Лево-демократическая формула о «политическом регулировании» отношений с каждым днем все больше и больше становится обманом. Кроме бесконечных репрессий, демонтажа цивилизации и помощи «террору экономики» больше нечего «регулировать». Поскольку самоцель общества труда как аксиома служит предпосылкой политической демократии, для кризиса труда нет политико-демократического решения. Конец труда становится концом политики.

13. Симуляция общества труда капитализмом казино

Господствующее общественное сознание систематически обманывается на счет действительного состояния общества труда. Потерпевшие крах регионы идеологически отлучаются, статистика рынка труда беспрепятственно подтасовывается, формы обнищания симулятивно замалчиваются в средствах массовой информации. Симуляция вообще становится главным признаком капитализма в кризисе. Это относится и к самой экономике. Если по меньшей мере в западной сердцевине системы до сих пор кажется, будто капитал может накапливаться и без труда, а чистая форма денег без всякой материальной основы сама из себя гарантирует дальнейшее самовозрастание стоимости, то эта видимость вызвана процессом симуляции, происходящем на финансовых рынках. Как зеркальное отражение симуляции труда с помощью принудительных мер демократического управления трудом возникла симуляция самовозрастания капитала с помощью спекулятивного отрыва кредитной системы и рынков акций от реальной экономики.

Использование нынешнего труда заменяется обращением к использованию будущего труда, который никогда не станет реальным. Речь идет в известной мере о накоплении капитала в фиктивном «Втором будущем». Денежный капитал, который уже не может быть вновь рентабельно инвестирован в реальную экономику и потому не может больше впитывать в себя труд, должен все сильнее вкладываться в финансовые рынки.

Уже фордистский толчок к созданию стоимости в эпоху «экономического чуда» после Второй мировой войны не был совершенно самонесущим. Далеко выйдя за пределы своих доходов от налогов, государство в невиданных дотоле масштабах брало кредиты, поскольку иначе нельзя было финансировать условия существования общества труда. Таким образом, государство закладывало свои будущие реальные доходы. Таким образом, возникли, с одной стороны, возможности финансово-капиталистического вложения для «избыточного» денежного капитала — он предоставлялся государству под проценты. Оно покрывало проценты за счет новых кредитов и окольным путем снова вводило ссуженные деньги в экономический круговорот. С другой стороны, оно финансировало таким образом социальные расходы и инфраструктурные инвестиции и создавало в духе капитализма искусственный спрос, не покрывавшийся затратами производительного труда. Так фордистский бум продлевался за свои собственные пределы, но общество труда подрывало свое собственное будущее.

Этот симулятивный момент все еще вроде бы исправно шедшего процесса создания стоимости натолкнулся на свои границы с ростом государственной задолженности. «Кризисы задолженности» государств не только в Третьем мире, но и в центрах капитализма уже не допускали дальнейшего движения по этому пути. Такова была объективная основа для триумфального марша неоллиберального дерегулирования, которое, согласно идеологическим положениям, должно была идти параллельно с резким уменьшением доли государства в общественном продукте. В действительности же дерегулирование и сокращение государственных расходов перевешивались расходами, связанными с кризисом, например, в форме расходов на государственные репрессии и симуляцию. Во многих государствах доля государства, таким образом, даже возросла.

Но дальнейшее накопление капитала уже нельзя больше симулировать за счет государственной задолженности. Вот почему с 80-х годов дополнительное создание фиктивного капитала было перенесено на рынки акций. Там речь шла уже не о дивидендах, доходах от реального производства, а всего лишь о доходах от изменения курса, спекулятивном увеличении стоимости титулов собственности до астрономических масштабов. Соотношение реальной экономики и спекулятивного движения финансового рынка было поставлено с ног на голову. Спекулятивному изменению курса уже не предшествует расширение реальной экономики, а, наоборот, повышение курсов ценных бумаг, фиктивное создание стоимости симулирует реальное накопление, которого уже вообще не происходит.

Идол труда клинически уже мертв, но ему делают искусственное дыхание с помощью якобы независимого расширения финансовых рынков. Промышленные предприятия получают прибыли, которые извлекаются уже не из производства, давно ставшего убыточным, и не из продажи реальных благ, а из

участия «умных» финансовых отделов в спекуляциях акциями и валютой. Государственные бюджеты получают доходы, которые уже вообще не связаны с налогами и взятием кредитов, а приобретаются благодаря усердию финансовых управлений на спекулятивных рынках. А семьи, чьи реальные доходы от зарплаты и вкладов драматически сокращаются, могут по-прежнему позволить себе высокий уровень потребления, закладывая доходы от акций. Так возникает новая форма искусственного спроса, который затем вновь влечет за собой реальное производство и реальные государственные доходы от налогообложения «без почвы под ногами».

Так с помощью спекулятивного процесса отодвигается мировой экономический кризис. Но поскольку фиктивное увеличение стоимости титула собственности может быть лишь предвосхищением будущих реальных затрат труда (в соответствующем астрономическом масштабе), которых уже никогда не будет, объективированный обман после определенного инкубационного периода раскроется. Крах «растущих рынков» в Азии, Латинской Америке и Восточной Европе был лишь предвестием. Коллапс финансовых рынков капиталистических центров в США, Европейском союзе и Японии — это только вопрос времени.

В фетишизированном сознании общества труда и особенно среди бывших левых и правых «критиков капитализма» этот контекст воспринимается совершенно искаженно. Зациклившись на фантоме труда, который они возвеличивают до сверхисторического и позитивного условия существования, они систематически путают причины и следствия. Временная отсрочка кризиса с помощью спекулятивного расширения финансовых рынков предстает тогда, наоборот, как мнимая причина кризиса. «Злые спекулянты», заявляют с большей или меньшей долей паники, могут погубить все замечательное общество труда, поскольку ради развлечения и по буйной злобе спекулируют «хорошими деньгами», которых «вполне достаточно», вместо того, чтобы бодро и солидно вложить их в чудесные «рабочие места», которые и далее могут обеспечить трудоголикам-илотам «полную занятость».

«Как только труд в непосредственной форме перестает быть крупным источником богатства, время перестает и должно перестать быть его мерилom и, тем самым, меновая стоимость — мерилom потребительной стоимости. . . Тем самым разваливается и производство, основанное на меновой стоимости, и непосредственный процесс материального производства сам теряет форму необходимости и противоречивости»

Карл Маркс «Наброски критики политической экономии» (1857-1858)

В эти головы просто не укладывается, что это не спекуляция остановила реальные инвестиции, а третья промышленная революция сделала их нерентабельными и спекулятивные расходы могут быть лишь симптомом этого.

Деньги, которые обращаются вроде бы в неисчерпаемом количестве, даже в капиталистическом смысле уже не являются «хорошими» — это просто «горячий воздух», которым накачивается спекулятивный пузырь. Любая попытка проколоть этот пузырь с помощью проектов налогообложения в той или иной форме («налог Тобина» и т.д.), чтобы снова перевести денежный капитал на якобы «правильные» и реальные мельницы общества труда, приведет лишь к тому, что он быстрее лопнет.

Вместо того чтобы понять, что все мы неудержимо становимся нерентабельными и потому следует атаковать как устаревший сам критерий рентабельности вместе с его основами общества труда, предпочитают демонизировать «спекулянтов». Этот дешевый образ врага единодушно пестуют правые радикалы и автономы, простодушные профсоюзные функционеры и люди, испытывающие ностальгию по кейнсианству, социальные теологи и ораторы, вообще все апостолы «честного труда». Лишь немногие понимают, что отсюда только один маленький шаг до возрождения антисемитского безумия. Восхваление «созидающего», национального по крови, реального капитала в противовес «паразитическому», интернационально- «еврейскому» финансовому капиталу угрожает стать последним словом обезумевших левых поклонников рабочих мест. Это и так уже издавна последнее слово расистских, антисемитских и антиамериканских правых апологетов рабочих мест.

14. Труд невозможно переистолковать

После столетий приручения современный человек уже не может себе представить свою жизнь без труда. Труд служит господствующим принципом, он не только доминирует в сфере экономики в узком смысле слова, но и пронизывает все социальное существование, въедаясь в поры будней и частной жизни. «Свободное время» — термин тюремный уже по своему буквальному смыслу — давно уже предназначено на то, чтобы «подновить» товары и тем самым позаботиться об их необходимом сбыте.

Но даже вне самоцели усвоенного долга потребления товаров тень труда падает на современного человека и за пределами бюро и фабрики. Как только он вылезает из своего кресла перед телевизором и начинает что-то делать, любое его занятие тут же превращается в подобие труда. Занимающийся спортивной ходьбой меняет подгоняющие часы на секундомер. В окрашенных в бледно-хромовые тона центрах здоровья колесо вновь возрождается на постмодернистский лад. Отпускники накручивают километры в своих автомашинах, как будто должны выполнить годовой план работы шофера-дальнобойщика. Даже секс ориентируется на стандартные нормы сексологии и конкурентные масштабы, рожденные в болтовне ток-шоу.

Если царь Мидас еще воспринимал как проклятие, что все, к чему он ни прикасался, обращалось в золото, то его современный товарищ по несчастью давно

уже преодолел эту стадию. Человек труда даже не замечает, что благодаря приравнению к образцу труда любое его занятие теряет свое особое качество и становится безразличным. Напротив, любое дело приобретает смысл, оправдание и социальное значение только благодаря приравнению к безразличию товарного мира. К примеру, субъект труда не знает, что ему делать с таким чувством, как скорбь, но превращение скорби в «скорбный труд» превращает этот чуждый эмоциональный элемент в известную величину, которую можно обменять на эквивалент. Даже мечты лишаются существа и становятся безразличными, превращаясь в «работу мечтателя», встреча с любимым человеком — в «работу с людьми», а обращение с детьми — в «воспитательную работу». Где бы современный человек не стремился подчеркнуть серьезность своих действий, у него на языке оказываются слова «труд» и «работа».

Так империализм труда выражается в повседневном языке. Мы не только привыкли к инфляции в употреблении слова «труд», но и приучились употреблять его в двух различных смыслах. «Труд» давно уже не обозначает только капиталистическую форму деятельности в колесе-самоцели (что было бы совершенно правильно); этот термин стал синонимом любых целенаправленных усилий вообще и тем самым замел свои следы.

Такая понятийная неточность готовит почву для столь же неполноценной, сколь и обычной критики общества труда, которая действует совершенно от обратного, то есть исходя из позитивно истолкованного империализма труда. Общество труда упрекают за то, что оно своими формами действия еще недостаточно контролирует жизнь, потому что якобы понимает термин труда «слишком узко», то есть исключает из него «труд для себя» и «безвозмездную самопомощь» (домашний труд, соседскую взаимопомощь и т.д.) и признает «настоящим» трудом только профессиональную работу на рынок. Переоценка и расширение понятия труда должно устранить эту односторонность и связанную с этим иерархию.

Такое мышление направлено не на освобождение от существующего принуждения, а всего лишь на его семантический ремонт. Явный кризис общества труда должен быть разрешен тем, что общественное сознание «действительно» возведет в рыцарское достоинство труда наряду со сферой капиталистического производства и прежде неполноценные формы деятельности. Но неполноценность этой деятельности как раз и не является всего лишь результатом определенного идеологического взгляда; она — часть структурной основы системы товарного производства, и этого не изменить никакими добрыми моральными переистолкованиями.

В обществе, где как самоцель властвует товарное производство, действительным богатством может считаться только то, что представимо в денежной форме. Этим и определяется понятие труда, оно охватывает все остальные сферы своим имперским сиянием, но лишь негативно, оттеняя их как зависимые от себя. Сферы, не входящие в товарное производство, неизбежно остаются,

таким образом, в тени сферы капиталистического производства, поскольку не укладываются в абстрактную хозяйственную логику экономии времени — как раз и именно потому, что необходимы для жизни, как, например, отделенная и определяемая как «женская» область домашнего труда, личного участия и т.д.

«Простые личные услуги могут повысить не только материальное, но и нематериальное благополучие. Так, самочувствие клиентов может улучшиться, если те, кто оказывает им услуги, разгрузят их от тягостного ухода за собой. Одновременно и самочувствие оказывающих услуги улучшится, если их деятельность повысит их самооценку. Именно оказание простых личных услуг гораздо лучше сказывается на психике, чем безработное состояние»
Доклад комиссии по вопросам будущего Республiк Баварии и Саксонии (1997)

Морализирующее расширение значения термина «труд» вместо его радикальной критики не только маскирует реальный общественный империализм экономики товарного производства, но и прекрасно укладывается в авторитарную стратегию государственного управления кризисом. Выдвигаемое с 70-х годов требование в общественных масштабах «признать» «домашний труд» и деятельность в «третичном секторе» в качестве полноценного труда вначале спекулировало на государственных финансовых перечислениях. Однако кризисное государство поворачивает орудие и направляет моральный пыл этого требования как раз против его материальных ожиданий — в духе печально знаменитого «принципа вспомогательности».

«Крепко держись знания, испытанного в работе, потому что сама природа подтверждает их и говорит им «да». Собственно говоря, у тебя вообще нет никаких других знаний, чем те, которые ты приобретаешь, работая, все остальное есть лишь гипотеза знания»
Томас Карлейль «Трудиться и не отчаиваться» (1843)

Оды «безвозмездной общественной работе» и «гражданскому труду» поют не о разрешении поковыряться в довольно пустых финансовых горшках государства; они служат оправданием для социального отступления государства, для запуска программ принудительного труда и для подлых попыток взвалить груз кризиса главным образом на женщин. Официальные институты общества отказываются от своих социальных обязательств, но одновременно обращают «ко всем нам» дружеские и ничего не стоящие призывы проявить наконец собственную инициативу, чтобы бороться со своей собственной и чужой нуждой и больше не выдвигать материальных требований. Так акробатика с дефинициями по-прежнему священного принципа труда, ложно понимаемая как программа освобождения, открывает дорогу государственным попыткам про-

вести ликвидацию наемного труда через устранение зарплаты при сохранении труда на выжженной земле рыночной экономики. Этим невольно доказывается, что содержанием социального освобождения сегодня может быть не переоценка труда, а именно его обесценение.

15. Кризис борьбы за интересы

Как бы ни вытеснялся из сознания и не табуизировался кризис труда, он, тем не менее, накладывает свой отпечаток на все социальные конфликты. Переход от общества массовой интеграции к порядку селекции и апартеида привел не к новому раунду старой классовой борьбы между капиталом и трудом, а к кризису категорий самой борьбы внутрисистемных интересов. Уже в эпоху процветания после Второй мировой войны старое сияние классовой борьбы померкло. Но не потому, что революционный «сам по себе» субъект был с помощью манипуляций, махинаций и подкупа «интегрирован» в сомнительное благосостояние, а поскольку, наоборот, на фордистском этапе развития выявилась логическая идентичность капитала и труда как категорий социальных функций одной и той же общественной формы — фетиша. Внутрисистемное желание продать свой товар — рабочую силу на как можно более выгодных условиях утратило всякий элемент, выводящий за пределы системы.

Если вплоть до 70-х годов речь все еще шла о том, чтобы добиться доступа как можно более широких слоев населения к ядовитым плодам общества труда, то в новой кризисной ситуации третьей промышленной революции даже этот импульс иссяк. Вести широкомасштабную борьбу за интересы функциональных категорий общества труда было возможно, лишь пока это общество расширялось. По мере упадка общей основы внутрисистемные интересы уже не могут быть суммированы на уровне общества в целом. Начинается всеобщая десолидаризация. Наемные работники дезертируют из профсоюзов, менеджеры — из союзов предпринимателей. Каждый за себя, а бог капиталистической системы против всех. Расхваливаемая индивидуализация — всего лишь еще один симптом кризиса общества труда.

Если еще вообще можно выработать общие интересы, то только на микроэкономическом уровне. Ведь по мере того, как в насмешку над социальным освобождением почти привилегией стала экономическая растрата собственной жизни, представительство интересов товара «рабочая сила» вырождается в политику чистейшего лоббирования все более мелких социальных сегментов. Кто принимает логику труда, должен теперь принять и логику апартеида. Речь идет теперь лишь о том, чтобы обеспечить собственной, узко очерченной клиентеле продажу собственной шкуры за счет всех остальных. Трудовые коллективы и производственные советы давно уже видят своего противника не в менеджменте собственного предприятия, а в наемных работниках конкурирующих предприятий и «мест размещения производства», будь то по соседству

или на Дальнем Востоке. И если встает вопрос, с кем будет покончено при следующем толчке экономической рационализации, то врагами становятся даже соседний отдел и непосредственный коллега по работе.

Радикальная десолидаризация затрагивает отнюдь не только производственные и профсоюзные конфликты. В условиях кризиса общества труда все функциональные категории все фанатичнее следуют присущей им логике, поскольку любое человеческое благополучие может быть простым побочным продуктом валоризации капитала. Поэтому во всех конфликтах интересов действует принцип святого Флориана [Немецкая присказка-молитва: «Святой Флориан, упаси мой дом. Возьми вместо моего дома дом соседа и сожги его».] Все лоббисты знают правила игры и действуют соответственно. Каждая марка, полученная от потребителя конкурентом, — это потеря. Любой разрыв на другом конце социальной сети дает возможность получить отсрочку для себя. Пенсионер становится естественным противником всех платящих социальные взносы, больной — врагом всех застрахованных, иммигрант — объектом ненависти всех озверевших аборигенов.

Так необратимо исчерпывает себя рискованная попытка использовать внутрисистемную борьбу интересов как рычаг социального освобождения. Тем самым приходит конец и классической левой. Возрождение радикальной критики капитализма предполагает категориальный разрыв с трудом. Только если будет выдвинута новая цель социального освобождения по ту сторону труда и всех производных от него категорий — фетишей (стоимости, товара, денег, государства, правовых форм, нации, демократии и т.п.), станет возможна ресолидаризация на более высоком уровне и в масштабах всего общества. И только в этой перспективе можно будет вновь соединить и внутрисистемные оборонительные бои против логики лоббирования и индивидуализации; но теперь уже так, что они будут связаны с господствующими категориями не положительно, а в соответствии со стратегией отрицания.

«Выяснилось, что вследствие неизбежных законов человеческой природы некоторые человеческие существа обречены на нужду. Это несчастные люди, которые вытащили пустой билет в великой лотерее жизни»

Томас Роберт Мальтус

Левые до сих пор увиваются от разрыва с категориями общества труда. Они выдают законы системы за чистую идеологию, а логику кризиса — просто за политический проект «правлящих кругов». На место разрыва с категориями приходит социал-демократическая и кейнсианская ностальгия. Левые стремятся не к новой конкретной всеобщности общественной формы по ту сторону абстрактного труда и денег. Они судорожно пытаются удержать старую абстрактную всеобщность внутрисистемного интереса. Но все эти попытки сами остаются абстрактными и не могут уже возродить массовое движение, потому

что не учитывают реалий кризисной ситуации.

Это относится особенно к требованию предоставить каждому человеку гарантированное пособие на жизнь или минимально-необходимый доход. Вместо того, чтобы связать конкретную оборонительную борьбу против определенных мер режима апартеида с общей программой против труда, это требование стремится восстановить ложную всеобщность социальной критики, которая остается во всех отношениях абстрактной, внутрисистемной и беспомощной. Таким путем нельзя преодолеть социальную конкуренцию, свойственную кризису. Невежественно предполагают, что глобальное общество труда будет функционировать вечно — ведь откуда иначе возьмутся деньги на финансирование этого гарантированного государством минимально-необходимого дохода, если не из удачных процессов создания стоимости? Кто опирается на подобные «социальные дивиденды» (само название уже говорит за себя), тот должен негласно делать ставку на привилегированную позицию «своей» страны в глобальной конкурентной борьбе. Ведь только победа в мировой войне рынков на время позволила бы накормить несколько миллионов едоков у себя дома, которых капитализм сделал «лишними» — разумеется, при исключении всех людей, не имеющих паспорта о гражданстве этой страны.

Кустари-реформаторы, требующие пособий на выживание, в любом случае игнорируют капиталистическую природу денежной формы. Для них речь идет, в конечном счете, о спасении не капиталистического субъекта труда, так капиталистического субъекта товарного потребления. Они не оспаривают капиталистический образ жизни, вместо этого они хотели бы, чтобы мир, несмотря на кризис труда, был по-прежнему погребен под лавиной вонючего жестяного мусора, отвратительных масс бетона и низкокачественного хлама товаров и люди сохраняли единственную жалкую свободу — свободу выбора на полках супермаркета.

Но даже эта печальная и ограниченная перспектива совершенно иллюзорна. Ее левые сторонники и теоретически неграмотные люди забыли, что капиталистическое товарное потребление никогда не служит удовлетворению потребностей как таковому, но может быть только одной из функций процесса создания стоимости. Если рабочая сила больше не продается, то даже самые элементарные потребности считаются бесстыдными притязаниями на роскошь, которые должны быть сокращены до минимума. Орудием этого как раз и послужит программа выплаты пособия на существование, как инструмент государственного сокращения расходов и нищенская версия перечислений на социальные нужды, приходящая на смену взорвавшемуся социальному обеспечению. В таком духе концепция минимально-необходимого дохода уже была выдвинута идейным отцом неолиберализма Милтоном Фридманом задолго до того, как разоружившиеся левые обнаружили ее как якорь спасения. Только имея такое содержание, она воплотится в жизнь — или так и останется на бумаге.

16. Ликвидация труда

Разрыв с категорией труда не может опереться на некий готовый и объективно заданный социальный лагерь, как ограниченная рамками системы борьба за интересы. Это разрыв с ложной вещной закономерностью «второй природы»; он осуществляется не почти автоматически, а на основе сознания отрицания — отказа и бунта, — не имея в тылу никакого «закона истории». Его исходным пунктом может быть не некий новый абстрактно-всеобщий принцип, а только отвращение к собственному существованию в роли субъекта труда и конкуренции и категорический отказ продолжать жить таким образом на все более убогом уровне.

Несмотря на свое абсолютное господство, труду никогда не удавалось совершенно подавить недовольство установленными им законами. Несмотря на все виды регрессивного фундаментализма и все безумие конкуренции, существует и потенциал протеста и сопротивления. При капитализме существует массовое недовольство, но оно загнано в социально-психологическое подполье. Оно не востребовано. Вот почему необходимо новое духовное свободное пространство, чтобы люди снова смогли думать о том, что им сейчас кажется невыносимым. Надо сломать монополию лагеря труда на истолкование мира. Теоретической критике труда принадлежит здесь роль катализатора. Она призвана по всему фронту атаковать табу, господствующие в мышлении людей, открыто и ясно высказать то, во что никто может поверить, но что многие чувствуют: обществу труда окончательно приходит конец. И нет ни малейших причин оплакивать его кончину.

Только недвусмысленно сформулированная критика труда и соответствующая теоретическая дискуссия могут создать новое общественное контрмнение, которое служит неотъемлемой предпосылкой для возникновения практического социального движения против труда. Внутренние споры в лагере труда исчерпали себя и становятся все абсурднее. Тем настоятельнее задача заново определить линии общественных конфликтов, вдоль которых сможет сформироваться союз против труда.

Необходимо также в общих чертах обрисовать, какие цели можно выдвигать для мира по ту сторону труда. Программа против труда черпает не из канона позитивных принципов, а из силы отрицания. Если утверждение труда происходило одновременно с всеобъемлющим отчуждением человека от условий его собственной жизни, то отрицание общества труда может состоять только в том, что люди снова вернут себя самим себе на более высоком историческом уровне. Поэтому противники труда будут стремиться к образованию всемирных объединений свободно ассоциированных индивидов, которые вырывают у работающей вхолостую машины труда и создания стоимости средства производства и существования и берут их в свои руки. Лишь в борьбе против монополизации всех общественных ресурсов и потенциалов богатства

отчуждающими силами рынка и государства можно отвоевать социальное пространство освобождения.

При этом следует по-новому и иначе атаковать частную собственность. Для прежних левых частная собственность была не юридической формой системы товарного производства, а всего лишь зловещим субъективным правом капиталистов распоряжаться ресурсами. Так смогла появиться абсурдная идея о возможности преодолеть частную собственность на почве товарного производства. Противоположностью частной собственности, как правило, казалась при этом государственная собственность («огосударствление», «национализация»). Но государство — это всего лишь внешнее принудительное объединение или абстрактная всеобщность социально атомизированных товаропроизводителей, а государственная собственность, следовательно, — только производная форма частной собственности, невзирая на то, имеет она прилагательное «социалистическая» или нет.

В условиях кризиса общества труда и частная, и государственная собственность устаревают, так как обе формы собственности в равной мере предполагают наличие процесса создания стоимости. Именно поэтому соответствующие материальные средства все больше остаются неиспользованными и держатся под замком. Функционеры государства, фирм и юридической системы ревниво следят за тем, чтобы все таким и оставалось, чтобы средства производства скорее сгнили, нежели были использованы в иных целях. Завоевание средств производства свободными ассоциациями в борьбе против насильственного государственного и юридического управления может означать лишь, что эти средства производства больше не будут работать на анонимные рынки в форме товарного производства.

«Труд по сути своей — это несвободная, бесчеловечная, антиобщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность. Ликвидация частной собственности станет реальностью только в том случае, если она будет пониматься как ликвидация «труда» Карл Маркс «О книге Фридриха Листа «Национальная система политической экономии» (1845)

На место товарного производства придет открытая дискуссия, обсуждение и совместное принятие решений членами общества относительно разумного использования ресурсов. Будет восстановлена идентичность производителя и потребителя, невыносимая при диктате капиталистической самоцели. На место отчужденным институтам рынка и государства придет разветвленная система Советов, в которых свободные ассоциации от квартала до мирового уровня будут принимать решения о направлении ресурсов в соответствии с критериями духовной, социальной и экологической разумности.

Жизнь будет определять уже не самоцель труда и «занятость», а органи-

зация разумного применения общих возможностей, регулируемая не автоматической «невидимой рукой», а сознательным общественным действием. Произведенное богатство будет доставаться потребителям непосредственно по потребностям, а не в соответствии с «платежеспособностью». Вместе с трудом исчезнут абстрактные всеобщности денег и государства. На смену разделенным нациям придет всемирное общество, не нуждающееся больше в границах, и в нем любой человек сможет свободно передвигаться и оставаться в любом месте.

Критика труда — это объявление войны господствующему порядку, а отнюдь не мирное сосуществование одной из ниш с принуждением, исходящим от этого порядка. Лозунг социального освобождения может гласить только: Возьмем себе то, в чем мы нуждаемся! Не будем больше извиваться на коленях под ярмом рынков труда и демократического управления кризисом. Предпосылкой этого является контроль новых форм социальной организации (свободных ассоциаций, Советов) над условиями воспроизводства всего общества. Это требование принципиально отличает противников труда от всех политиков ниш и душонок «огородного социализма».

Господство труда раскалывает человеческую индивидуальность. Оно отделяет экономического субъекта от гражданина государства, рабочий скот от человека в свободное время, абстрактное публичное от абстрактного частного, производимую мужественность от производимой женственности и противопоставляет изолированного одиночку его собственному общественному целому как чуждой, господствующей над ним силе. Противник труда стремится к ликвидации этой шизофрении путем присвоения общественного целого сознательно и осознанно действующими людьми.

17. Программа ликвидации в противовес любителям труда

Противников труда будут называть фантазерами. Будут говорить: история доказала, что общество, не основанное на принципах труда, побуждения к росту, рыночной конкуренции и индивидуального эгоизма, не может функционировать. Итак, вы, апологеты существующей системы, хотите сказать, что капиталистическое товарное производство действительно обеспечивает большинству людей хотя бы отдаленно приемлемую жизнь? Вы называете это «функционированием», если скачкообразный рост производительных сил выбрасывает миллиарды людей за пределы человечества и они должны быть рады влачить жизнь на свалках? Если миллиарды других едва выносят сумасшедшую жизнь под диктатом труда, изолированные и одинокие, с безвкусно оглушенным разумом, физически и психически больные? Если мир превращается в пустыню, только чтобы из денег сделать еще больше денег? Ну, хорошо.

Это и есть то, как «функционирует» ваша грандиозная система труда. Но на такие успехи мы не претендуем!

Ваше самодовольство основано на незнании и слабости вашего разума. Единственное оправдание, которое вы находите для ваших нынешних и будущих преступлений, — это состояние мира, который покоится на ваших прежних преступлениях. Вы позабыли, заставили себя забыть, какие государственные убийства понадобились, пока ваш лживый «естественный закон» не был пытками вбит в сознание людей, так что они почти что почитают за счастье, когда им, не спрашивая их желания, дают «занятость» и позволяют расходовать их жизненную энергию для абстрактной самоцели вашего идола системы.

Потребовалось выкорчевать все институты самоорганизации и основанного на самоопределении сотрудничества, прежде чем человечество вообще оказалось в состоянии усвоить господство труда и эгоизма. Возможно, вся работа уже действительно совершена. Мы — не чрезмерные оптимисты. Мы не можем знать, удастся ли освобождение от этого обусловленного существования. Остается открытым, приведет ли гибель труда к преодолению трудового безумия или к концу цивилизации.

Вы возразите, что с ликвидацией частной собственности и принуждения к зарабатыванию денег прекратится всякая деятельность и воцарится всеобщая лень. Так вы признаете, что вся ваша «естественная» система покоится на чистом принуждении? И вы поэтому боитесь лени как смертного греха против духа вашего идола труда? Но противники труда ничего не имеют против лени. Одна из их первоочередных целей — восстановление культуры досуга, известной ранее во всех обществах и уничтоженной для того, чтобы утвердить неутомимое и позабывшее о разуме производство. Вот почему противники труда в первую очередь без остатка закроют все отрасли производства, которые вообще служат только для поддержания безумной самоцели товарного производства, не считаясь ни с какими потерями.

Мы говорим не только о таких, очевидно опасных для общества отраслях труда, как автомобильная, военная и атомная промышленность, но и о производстве тех многочисленных протезов разума и убогих предметов развлечения, которые призваны обманывать человека труда, служа ему эрзацем растроченной зря жизни. Исчезнет и огромное число видов деятельности, совершаемых лишь потому, что массы продукции должны быть втиснуты в игольное ушко денежной формы и рыночного опосредования. Или вы считаете, что когда вещи будут изготавливаться в соответствии с потребностями и все станут просто брать то, в чем они нуждаются, все еще понадобятся бухгалтеры и экономисты, специалисты по маркетингу и продавцы, представители и авторы рекламных текстов? Зачем нужны будут финансовые работники и полицейские, социальные работники и управляющие бедностью, если уже не потребуются защищать частную собственность, управлять социальной нуждой и никто не будет подвергаться воздействию отчужденного принуждения системы?

Мы уже слышим вопли: Что же будет с множеством рабочих мест?! Хорошо. Подсчитайте спокойно, какую часть своей жизни человечество ежедневно крадет у себя, только чтобы умножать «мертвый труд», управлять людьми и смазывать господствующую систему. Сколько времени могли бы мы все загорать под солнцем, вместо того чтобы мучиться ради вещей, о гротескном, репрессивном и разрушительном характере которых написаны целые библиотеки книг? Но не пугайтесь. Отнюдь не всякая деятельность прекратится, если исчезнет принуждение к труду. Но всякая деятельность изменит свой характер, когда она уже не будет втиснута в лишнюю сферу — самоцель абстрактно — текучего времени, а сможет следовать своим собственным, индивидуально варьирующим временным масштабам и будет включена в личные жизненные ситуации, когда и внутри крупных форм организации производства люди станут сами определять их ход, а не подчиняться диктату экономического создания стоимости. Зачем подстегивать себя дерзкими требованиями навязанной конкуренции? Следует вновь открытость для себя прелесть неторопливости.

Не исчезнут, конечно же, все те виды деятельности в домашнем хозяйстве и по уходу за людьми, которые в обществе труда выполняются незримо, отколо-то и определяются как «женские». Приготовление пищи так же невозможно автоматизировать, как пеленание младенцев. Если вместе с трудом будет преодолено разделение между социальными сферами, эта необходимая деятельность сможет выйти на свет осознанной социальной организации по ту сторону предписаний половых ролей. Она теряет свой репрессивный характер, как только перестает подчинять себе людей и совершается в равной мере мужчинами и женщинами, в зависимости от обстоятельств и потребностей.

Мы не утверждаем, что любая деятельность тем самым станет наслаждением. Одна в большей степени, другая — в меньшей. Конечно, всегда есть необходимые вещи, которые должны быть сделаны. Но кого это испугает, если оно не будет пожирать жизнь? И будет все больше того, что сможет делаться по свободному решению. Ведь деятельность — такая же потребность, как и досуг. Даже труд не смог окончательно задавить эту потребность, он только приспособил ее в своих целях и всосал в себя, как вампир.

Противники труда — не фанатики ни слепого активизма, ни столь же слепого ничегонеделания. Досуг, необходимая деятельность и свободно избранная активность должны быть приведены в разумное соотношение, ориентированное на потребности и жизненные ситуации. Если капиталистическое принуждение труда исчезнет, современные производительные силы смогут гигантски раздвинуть свободное время для всех. Зачем проводить день за днем столько часов в фабричных цехах и бюро, если всевозможные автоматы могут освободить нас от большей части этой деятельности? Зачем выжимать пот из сотен человеческих тел, если достаточно нескольких комбайнов? Затем тратить силы разума на рутинное дело, с которым без труда справится компьютер?

Однако лишь малую часть техники в ее капиталистической форме можно перенять для этих целей. Большую часть технических агрегатов придется полностью переделать — ведь они были сделаны согласно тупым масштабам абстрактной рентабельности. Многие технические возможности, с другой стороны, по тем же причинам вообще не получили развития. Хотя солнечную энергию можно добывать на каждом углу, общество труда запускает централизованные и опасные для жизни электростанции. И хотя щадящие методы аграрного производства давно известны, абстрактный денежный расчет сливает в воду тысячи ядов, разрушает почву и отравляет воздух. По чисто экономическим причинам элементы конструкций и продукты питания трижды гоняют вокруг Земного шара, хотя большинство вещей могут быть легко изготовлены на месте, без всякой транспортировки. Значительная часть капиталистической техники так же бессмысленна и излишня, как и относящиеся к ней затраты человеческой энергии.

Мы не говорим вам этим ничего нового. Но вы никогда не станете делать из этого выводы, и вы сами это хорошо знаете. Ведь вы отказываетесь от любого осознанного решения о том, какие средства производства, транспорта и коммуникаций можно использовать более разумно, а какие вредны или просто излишни. Чем лихорадочнее вы бормочите ваши мантры демократической свободы, тем ожесточенней вы отказываетесь от самой элементарной социальной свободы принимать решения, поскольку по-прежнему хотите служить властвующему трупу труда и его псевдо — «естественным законам».

18. Борьба против труда — борьба антиполитическая

Преодоление труда — отнюдь не туманная утопия. Всемирное общество в существующей его форме не может просуществовать еще 50 или 100 лет. Но то, что противники труда имеют дело с уже клинически мертвым идолом труда, совершенно не обязательно облегчает их задачу. Ведь чем сильнее обостряется кризис общества труда, а все попытки подлатать его проваливаются, тем больше становится пропасть между изоляцией беспомощных социальных монад и необходимостью движения за возвращение самих себя в масштабе всего общества. Все более зверский облик социальных отношений в огромной части мира показывает, что старое сознание, основанное на труде и конкуренции, воспроизводится на все более низком уровне. Несмотря на все импульсы недомогания капитализма, постепенная утрата цивилизации кажется естественной формой протекания кризиса.

Именно перед лицом столь негативной перспективы было бы фатальным пренебречь выдвиганием всеобъемлющей программы практической критики труда в масштабах всего общества и ограничиться лишь созданием жалкой экономики выживания на руинах общества труда. Критика труда имеет шансы на успех, только если поведет борьбу против течения разобществления, а

не будет подхвачена им. Но цивилизацию уже нельзя защитить способами демократической политики; это можно сделать только против нее.

«Наша жизнь — это убийство работой, мы 60 лет висим на веревке и держимся, но мы перережем ее и освободимся»

Георг Бюхнер «Смерть Дантона» (1835)

Кто стремится к освободительному возвращению самого себя и к переустройству всего общества, не может игнорировать инстанции, которые до сих пор организовывали условия его существования. Невозможно восстать против отчуждения собственных общественных возможностей, не вступая в конфронтацию с государством. Ведь государство не только управляет примерно половиной общественного богатства, но и обеспечивает принудительное подчинение всего общественного потенциала требованиям создания стоимости. Но хотя противники труда не могут игнорировать государство и политику, они не станут и принимать в них участие.

Если конец труда есть и конец политики, то политическое движение за ликвидацию труда противоречило бы само себе. Противники труда выдвигают требования к государству, но не образуют политическую партию и не намерены это делать. Целью политики может быть только завоевание государственного аппарата, чтобы сохранить общество труда. Вот почему противники труда не желают вставать у пульта власти, а хотят отключить его. Их борьба — не политическая, а антиполитическая.

Государство и политика современной эпохи неразрывно переплелись с принудительной системой труда и должны поэтому исчезнуть вместе с ней. Разглагольствования о возрождении политики есть лишь попытка вернуть критику экономического террора к позитивному государственному действию. Самоорганизация и самоопределение прямо противоположны государству и политике. Завоевание социально-экономических и культурных пространств свободы осуществляется не на обходном, подчиненном, ложном пути политики, а как строительство контр-общества.

Свобода означает: не позволять рынку отчуждать себя, а государству — управлять собой; это значит — организовать общественное целое под своим собственным руководством, без посредничества промежуточных, отчужденных механизмов. В этом смысле противники труда хотят найти новые формы социального движения и завоевать плацдармы для воспроизводства жизни по ту сторону труда. Необходимо соединить формы практики контр-общества с наступательным отказом от труда.

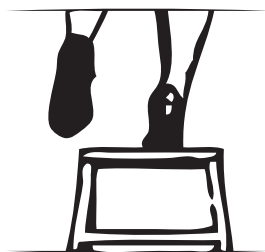
Пусть правящие силы объявляют нас сумасшедшими, потому что мы рискуем пойти на разрыв с иррациональной системой принуждения. Нам нечего терять, кроме перспективы катастрофы, в которую они нас вовлекают. Приобрести же мы должны мир по ту сторону труда.

Пролетарии всех стран, покончите с этим!

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

21 мая 2012

Krisis
Манифест против труда
1998

Сохранено 30 января 2012г. из revsoc.org